

— Бррр... — Чжоу Сюнь зачерпнул пригоршню воды и плеснул себе в лицо.

Через мгновение он поднял мокрое лицо, глядя в зеркало.

В зеркале отражалось лицо пятнадцатилетнего юноши.

Прошло две недели, но Чжоу Сюнь все еще не привык к своему новому лицу. Каждый раз, прежде чем посмотреть в зеркало, он невольно останавливался, словно готовясь к чему-то.

Он протянул руку, ущипнул себя за щеку, оттянул кожу и отпустил. На щеке остались два красных пятна.

«Ах, если бы можно было сорвать с себя эту маску, если бы все вокруг, все, что произошло за последние полмесяца, рассыпалось осколками стекла, словно сон, от которого просыпаешься...», — подумал он.

Конечно, Чжоу Сюнь понимал, что это невозможно.

— Черт! — С этими словами он отвесил себе пощечину.

Пусть это лицо и напоминало молодого Леонардо Ди Каприо, но Чжоу Сюнь не жалел его, и даже чувствовал какое-то извращенное удовольствие.

Пощечина эта была нужна не для того, чтобы прогнать сон, а чтобы взбодриться и продолжить жить в нем.

Придется смириться.

Чжоу Сюнь мог утешать себя только этим.

— Тук-тук-тук... Тук-тук-тук... — В дверь ванной постучали. — Брат Кален, брат Кален, с тобой все в порядке? — послышался встревоженный голос Мины.

Мина была его двоюродной сестрой, дочерью его дяди Мейсона.

А тело, в котором сейчас находился Чжоу Сюнь, носило имя Кален.

— Все хорошо, — ответил Чжоу Сюнь.

— Хорошо. — Мина за дверью облегченно вздохнула и спросила: — Принести тебе завтрак в

комнату?

— Не нужно, Мина, я сейчас спущусь и поем.

Мина за дверью, казалось, удивилась, но тут же ответила:

— Хорошо, брат.

Чжоу Сюнь продолжал смотреть на себя в зеркало, прикладывая к покрасневшему лицу холодное полотенце.

В прошлой жизни он был психологом, у него был собственный кабинет в Нанкине, и он подрабатывал консультантом в полиции.

Однажды во время захвата заложников он отправился на переговоры с террористами, но что-то пошло не так. Террористы решили сбросить маленькую девочку с крыши. Чжоу Сюнь бросился вперед и успел схватить ее, но сам полетел вниз и потерял сознание.

Ему снились странные сны, а когда он, наконец, пришел в себя и открыл глаза, то с изумлением обнаружил, что лежит не в реанимации, а его окружают не врачи, а... какие-то иностранцы.

Самым старшим из них был его дедушка — Деас Иммерлес. Чжоу Сюнь был его старшим внуком. Взгляд Деаса при виде очнувшегося внука выражал облегчение... и еще что-то непонятное.

Его дядя Мейсон, мужчина лет сорока, был явно счастлив.

Тетя Мэри, жена Мейсона, сначала улыбнулась, потом нахмурилась, а потом снова улыбнулась.

Еще одна женщина, постарше, была его тетей Винни. Она плакала от радости.

И трое детей: Мина и Лент, дети дяди и тети, четырнадцати и тринадцати лет, и Крис, тринадцатилетняя дочь тети Винни.

Что касается родителей... то есть, родителей Калена... они умерли несколько лет назад.

Вот так обстояли дела в этой семье.

Чжоу Сюнь сменил полотенце на горячее и снова приложил его к лицу. Прошло немало времени, прежде чем он отложил полотенце в сторону.

Половину из этих двух недель после пробуждения он провел в постели, с одной стороны, потому что был очень слаб, а с другой — ему нужно было время, чтобы переварить воспоминания «Калена».

«Переваривание» воспоминаний — дело странное. Воспоминания эти не смешались с его собственными, не конфликтовали с ними. Для Чжоу Сюня они стали чем-то вроде папок с документами, лежащих на полке, или файлов на жестком диске. Он по-прежнему был Чжоу Сюнем, но при необходимости мог, немного подумав, «найти» нужные воспоминания Калена.

В общем, раз уж так вышло, оставалось только принять действительность.

Чжоу Сюнь мысленно подготовил себя к тому, чтобы начать новую жизнь.

Он вышел из ванной. Черный кот по кличке «Пол», любимец семьи, лениво грелся на подоконнике. Заметив Калена, он тут же демонстративно отвернулся к окну, всем своим видом выражая кошацье высокомерие.

Чжоу Сюнь на мгновение остановился, сделал глубокий вдох и пробормотал:

— С сегодняшнего дня я — Кален.

...

Кален спустился по лестнице с третьего этажа, где находилась его комната, на второй.

Семья Иммерлес жила в двухэтажном особняке с большим садом, который располагался по адресу: город Луоцзя, западный район, улица Минк, дом 13.

По меркам «прошлой жизни» улица Минк, может, и не относилась к самым престижным районам Луоцзя, но и окраиной не была. До центра города было рукой подать.

Только представьте: собственный особняк в черте города...

В прошлой жизни Кален не мог и мечтать о таком, даже таунхаус был ему не по карману.

Это была еще одна вещь, которая радовала его в нынешнем положении. В конце концов, если уж и перерождаться, то лучше уж в богатой семье, правда?

Родись он в семье бедняка... о нет, это было бы ужасно.

Кухня и столовая Иммерлесов располагались на втором этаже, а первый этаж был рабочим.

Да, это была настоящая «компания», или, вернее, «семейное предприятие», ведь особняк был не только местом жительства, но и средством производства.

Семья занималась похоронным бизнесом, и на вывеске у входа красовалась надпись: «Компания «Забота об усопших Иммерлес».

Глава семьи, дедушка, был здесь полновластным хозяином, как в семейной жизни, так и в делах «компании». Кроме того, дедушка подрабатывал священником в небольшой церкви на улице Минк.

Дядя Мейсон раньше работал на бирже, а тетя Мэри была довольно известным визажистом, работала со звездами и даже снялась в нескольких эпизодических ролях в кино.

Они вполне могли бы жить жизнью среднего класса и давно бы уже переехали в собственный дом.

Но дядя Мейсон неудачно вложил деньги и не просто потерял все сбережения, но и лишился дома, да еще и остался в долгах. В итоге ему пришлось вернуться к отцу вместе с женой и двумя детьми.

Отец, то есть дедушка, ничего не сказал, но очень скоро нашел причину уволить водителя и распорядителя похорон.

Дедушка не любил бездельников.

Теперь дядя Мейсон работал водителем катафалка и развозил «клиентов» вместе с двумя помощниками, Полом и Роном.

Тетя Мэри продолжала заниматься своим делом, накладывать макияж, только теперь ей не приходилось иметь дело с капризными знаменитостями и бояться жалоб.

Их дети, Мина и Лент, учились в средней школе.

Тетя Винни работала бухгалтером на швейной фабрике. Разведясь с мужем, она вернулась в дом отца вместе с дочерью Крис.

К счастью, дом у Иммерлесов был большой. Пусть подвал и был отведен под «гостей», а первый этаж занимал «траурный зал», но на втором и третьем этажах хватало места для всех.

Кален делил комнату со своим двоюродным братом Лентом, но, когда Кален заболел, Лент перебрался на третий этаж к деду. На третьем этаже также находился кабинет дедушки.

На втором этаже располагались три комнаты: одну занимали дядя с тетей, другую тетя Винни, а третью — двоюродные сестры Калена.

В доме царила довольно теплая атмосфера. Правда, дедушка был очень строгим, и никто не смел спорить с ним или ссориться у него на глазах.

Когда Кален спустился на второй этаж, Мина помогала матери накрывать на стол.

Заметив Калена, тетя Мэри язвительно усмехнулась:

— Наш молодой господин, наконец, изволил спуститься к завтраку? Больше не желаете, чтобы ваша преданная служанка прислуживала вам?

Тетя Мэри была именно такой: язвительной и любящей поворчать. В доме она не смела дерзить только дедушке, все остальные — муж, дети, невестка и даже Кален — становились объектами ее колких замечаний.

Кален тепло улыбнулся и искренне произнес:

— Спасибо, тетя, за вашу заботу. Благодаря вам я так быстро поправился.

В воспоминаниях «Калена» тетя Мэри, хоть и была остра на язык, но заботилась о нем не меньше, чем о собственных детях. Настоящая «сердце золотое, а язык — как бритва».

— Э-э... — Не ожидая такой учтивости от обычно молчаливого и замкнутого племянника, тетя Мэри не нашлась, что ответить, и только фыркнула: — Садись есть.

— Хорошо.

Кален сел за стол.

На завтрак подали сэндвичи, яичницу, молоко и жареные колбаски.

Кален откусил кусочек сэндвича и принялся медленно жевать. Хотя прошло всего полмесяца, он уже начал скучать по супу с утиной кровью и лапшой, щедро сдобренному тремя ложками острого перца чили.

В этот момент снаружи послышался автомобильный гудок.

— Отец вернулся, — сказала тетя Мэри, подходя к раковине, чтобы помыть руки. Сняв фартук, она добавила: — Вы ешьте, а я пойду посмотрю, какой «сюрприз» он мне привез на этот раз.

Другие мужья, возвращаясь домой, приносили своим женам цветы, а то и кольца с сумочками от известных брендов. Дядя Мейсон же привозил своей жене... трупы.

Для тети Мэри обычный труп человека, умершего естественной смертью, уже был «сюрпризом». Больше всего она не любила иметь дело с трупами людей, погибших не своей смертью, с ними было слишком много возни.

Кален положил вилку. Подсознательно он все еще считал себя взрослым, и, когда в семье были дела, не мог сидеть за столом вместе с детьми, поэтому спустился вслед за тетей Мэри.

На первом этаже было много свободного места. В дальнем углу, на возвышении в три ступеньки, находился помост, на котором устанавливали гроб.

В этот момент двое помощников, Пол и Рон, внесли носилки, накрытые белой простыней.

Дядя Мейсон не вышел из машины, он был немного высокомерен, и, хотя и был вынужден работать на отца, но старался как можно меньше соприкасаться с трупами.

В воспоминаниях Калена дядя Мейсон, хоть и был неудачливым инвестором и транжирой, но в жизни оставался веселым и жизнерадостным человеком, который очень любил свою семью.

Тетя Мэри подошла к носилкам, откинула простыню и с облегчением вздохнула.

На носилках лежал молодой человек, его лицо не было изуродовано. Правда, голова была неестественно вывернута в сторону.

— Замерз? — спросила тетя Мэри. — Социальный заказ?

Хотя зима только началась, и настоящие холода еще не наступили, на улицах уже повсюду гибли от холода пьяницы и бродяги.

«Социальные заказы» оплачивались из специального фонда, созданного мэрией, церковью, благотворительными организациями и другими учреждениями. Фонд этот предназначался для того, чтобы обеспечить достойные похороны людям, у которых не было родственников, то есть тем, кто не мог оплатить их самостоятельно.

«Социальные заказы» распределялись между похоронными бюро, и прибыль от них была мизерной. Но зато они обеспечивали похоронным бюро стабильный поток клиентов, ведь даже когда работы не было, нужно было платить зарплату сотрудникам.

С другой стороны, «социальные заказы» и выполнять было проще, так как родственников, которые могли бы придраться, обычно не было. Труп слегка приводили в порядок, клали в

гроб, а дедушка в облачении священника читал над ним короткую молитву. После этого приезжали чиновники из соответствующих ведомств, делали несколько снимков для отчета — и все. Оставалось только дожидаться конца месяца, когда перечисляли деньги.

— Да, мэм, я его знаю, — ответил Рон. — Его звали Джефф, он был картежником и вечно проигрывался. А еще он был моим должником. Черт бы его побрал, стоило мне только уйти из таверны, как он тут же садился играть!

— Мэм, у нас есть еще один заказ, — вступил Пол. — Нам нужно в санаторий «Цветочный ручей».

— Передайте санитарам, чтобы сначала его помыли, — тут же заявила тетя Мэри. — В прошлый раз привезли старика, так у него на теле все в засохшем дерьме было!

— Да, мэм, все будет сделано, — заверил ее Пол.

С этими словами он вместе с Роном покатил к катафалку пустые носилки.

— Бип-бип... — раздался из машины двойной гудок. Дядя Мейсон, сидевший за рулем с сигаретой в руке, крикнул Калену:

— Мой дорогой Кален, вижу, ты идешь на поправку!

— Да, дядя, — ответил Кален.

— Ха-ха, это замечательно! — Дядя Мейсон повернулся к жене: — Дорогая, приготовь мне на обед мясной пирог, это мое второе любимое блюдо!

— Иди в туалет и ешь там свое дерьмо! У меня нет на тебя времени! — рявкнула тетя Мэри.

Дядя Мейсон пожал плечами и с улыбкой произнес:

— Что ж, тогда это мое первое любимое блюдо!

Тетя Мэри отвернулась, ее губы дрожали.

— Поехали, дорогая, — сказал дядя Мейсон и завел мотор.

Машина отъехала.

Тетя Мэри сделала несколько глубоких вдохов и взялась за ручки носилок.

Кален, сам того не ожидая, подошел, чтобы помочь ей, но тетя Мэри посмотрела на него и остановилась.

Кален вопросительно посмотрел на нее.

— Кален, ты стал каким-то другим.

— Возможно, — ответил Кален.

Он не видел смысла скрывать свое «перерождение». В конце концов, «попаданцам» не стоило бояться разоблачения. Кому придет в голову, что в теле их родственника или друга находится чужая душа?

Да это же бред!

— В подвал, — скомандовала тетя Мэри.

— Хорошо, тетя.

Тетя с племянником покатали носилки по коридору, миновали холл и начали спускаться по наклонному пандусу, ведущему в подвал.

Кален изо всех сил держал ручки носилок, боясь, что они покатаются вниз слишком быстро.

— Хорошо бы установить здесь лифт, — сказал Кален, когда они спустились.

— Как в торговом центре? — фыркнула тетя. — Ты с ума сошел! Это же целое состояние!

Подвал состоял из трех комнат, вернее, функциональных помещений.

Первая комната была кладовкой. Впрочем, кладовкой ее можно было назвать с натяжкой, так как здесь хранилось множество предметов, необходимых для похорон. Впрочем, все лежало по местам, в идеальном порядке.

Вторая комната была моргом, но сейчас она пустовала. Холодильника Кален тоже не увидел.

Он не стал спрашивать, почему бы не купить холодильник. Он знал, что тетя Мэри ответит: «Ты с ума сошел! Это же целое состояние!».

Но и без того было ясно, что бизнес Иммерлесов не приносил большой прибыли, раз им не требовалось складировать «товар».

С другой стороны, это доказывало, что похоронный бизнес приносил доход во все времена и во всех культурах.

Третья комната была мастерской тети Мэри, в которой она наводила «красоту».

Даже самый красивый человек после смерти выглядел... не очень. А уж если смерть была не естественной... Работы у тети хватало.

Обычно по «социальным заказам» требовалось только слегка подправить лицо, родственники все равно не придирались. Но бывали и дорогие заказы, клиенты по которым были готовы выложить любые деньги. В таких случаях тело приходилось приводить в полный порядок: мыть, брить, стричь ногти. И это не говоря уже о гробе, одежде, молитве священника, организации поминок... На любой вкус и кошелек.

Кален помог тете Мэри закатить носилки в мастерскую. Тетя придвинула стул, села и поставила пепельницу на край носилок, прямо перед лицом Джеффа.

— Щелк... — Тетя Мэри чиркнула зажигалкой, прикурила сигарету, затянулась и медленно выдохнула дым.

Если не считать ее язвительности, тетя Мэри была очень красивой женщиной. Несмотря на возраст, она сохранила очарование. Впрочем, любая красавица, работая в похоронном бюро, рано или поздно утратила бы свою утонченность.

Кален посмотрел на сигарету в руках тети. Тетя Мэри заметила его взгляд и, слегка улыбнувшись, подвинула к нему пачку.

Кален взял сигарету, прикурил.

— Кхе... Кхе... Кха... Бля..., — его тут же замутило, он согнулся пополам и закашлялся.

— Хе-хе-хе... Ха-ха-ха..., — тетя Мэри смеялась до слез.

Кален не пытался притворяться, в прошлой жизни он много курил, но это тело никогда не знало никотина. И тело, и мозг протестовали против яда.

Тетя Мэри потушила сигарету, осмотрела тело Джеффа, убедилась, что на нем нет других повреждений, и попыталась выпрямить ему голову.

С этим заказом все было просто: нужно было только наложить немного грима. Когда вернутся помощники, они оденут Джеффа, положат в гроб — и дело сделано. В такую погоду можно было даже не бальзамировать.

— Хм? — тетя Мэри нахмурилась. — Кален, помоги мне, я не могу повернуть ему голову.

— А, хорошо, — отозвался Кален, откладывая сигарету.

Он подошел к носилкам, положил одну руку на шею Джеффа, а другую на его щеку и потянул голову, пытаясь придать ей нормальное положение.

Тяжело... Тяжело... Тяжело...

Голова Джеффа медленно поворачивалась. Кален с изумлением заметил то, чего не могла видеть тетя: труп сопротивлялся, его голова словно пыталась повернуться обратно.

У Калена было такое чувство, что он пытается победить в армрестлинге не мертвеца, а живого человека!

От этого открытия у него мурашки побежали по спине, и он хотел было убрать руки, но в этот момент сопротивление внезапно прекратилось, вернее... Как только Кален разжал пальцы, голова Джеффа...

— Скрип-скрип-скрип... — послышался звук, похожий на скрип несмазанных петель, и голова Джеффа повернулась.

Глаза Джеффа распахнулись. Он смотрел прямо на Калена.

Его челюсть задвигалась, губы зашевелились, и послышался звук, похожий на возню крыс под половицами.

Кален инстинктивно отшатнулся и прижался спиной к стене.

В этот момент раздался громкий звук, словно кто-то ударил лопатой по затылку.

Кален упал, перед глазами все поплыло.

Он не хотел терять сознание. Превозмогая боль, он поднял голову, но мир вокруг словно окрасился в красный цвет.

Кален попятился. Мир вокруг как будто стал выше, он понял, что смотрит на красную туфлю

на высоком каблуке. Над туфлей была длинная нога, белая нога, а напротив... еще одна такая же туфля и еще одна нога...

Он чувствовал себя букашкой у ног великана.

— Бух! — Кален потерял равновесие и рухнул на пол.

То ли это был сон, то ли он сошел с ума...

— Шлеп! — На него упала капля какой-то жидкости. Потом еще одна.

Кален медленно поднял голову.

Он увидел женское лицо. Женщина смотрела на него с любопытством и улыбкой, склонившись так низко, что он мог разглядеть капельки слюны, стекавшие с ее губ.

— Шшш... Шшш... Шшш... — откуда-то донесся звук помех, похожий на шипение старого телевизора, и раздался глубокий мужской голос:

— Не бойся, эта прекрасная леди... просто хочет тебя съесть.

<http://tl.rulate.ru/book/77240/4236008>